

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Крюков Алексей Михайлович

**Ученая традиция и провинциальные реалии
в гомилиях митрополита Афинского Михаила Хониата
(1182–1205 гг.)**

ПРИЛОЖЕНИЯ

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история
(Средние века)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители —
академик РАН, профессор
С.П. Карпов;
доктор исторических наук,
профессор И.С. Чичуров

Москва — 2015

ИЗБРАННЫЕ ОГЛАШЕНИЯ
МИХАИЛА ХОНИАТА

[ОГЛАШЕНИЕ VII]

С1. ...насиленно в очах, от которой хотя и отмоемся, однако с большим трудом и, как я думаю, уже не достигнет прежней светлости. Ибо трудно смыть черноту, выжигаемую в душе после просвещения. Она имеет нужду в искреннем исповедании, выставляющем напоказ *сокровенные срамные дела* (1 Кор. 4, 2), в частом биевании в грудь и обильнейших слезах, требует сокрушения духа и жесткой постели, которые, полоща и выщелачивая тело человека, словно некую грязную одежду, не без мучений очищают его от приставшей скверны. Из таких и еще больших средств, насколько мне известно, составляется лекарство покаяния, ибо истинное покаяние является не простым и однообразным, но сложным и составным, подобно лучшим лекарствам, составляемым из многих разнообразных растений.

С2. Но о том, что нужно каяться, все мы знаем, и почти общее убеждение состоит в том, что грешники не могут достичь спасения, кроме как через покаяние; а как надлежит каяться, не все знаем, подобно тому, как все согласны в том, что болящим нужно лечиться, способ же каждого врачевания известен весьма немногим знатокам врачебной науки. Потому я покажу теперь вам приемы покаяния, так как я не совсем неопытен в этих вещах, но научился от общего врача, то есть Священного Писания, а к сему истинному знанию приложил и опыт, поскольку сам часто пользовался этими лекарствами.

С3. Итак, говорю: прежде всего необходимо приложить старание к тому, чтобы открыть грех свой и возненавидеть его. Ибо многие из болящих, будучи бесчувственными, подобно сумасшедшим, не сознают, в каком плохом состоянии находятся, а потому и не приходят к тем, кто мог бы вылечить их, а иногда и дурно говорят, что, мол, к ним не следует обращаться, сами себе причиняя затруднения. Итак, надлежит остерегаться того, как бы нам не счесть себя здоровыми, будучи на самом деле больными, и избегать этой двойной болезни, а вместо этого стараться обнаружить и затем возненавидеть наши грехи. Ибо если каждый из нас поищет у себя какие-либо прегрешения, то несомненно найдет, так как слово божественного Писания неложно. Если же найдем грех, то, несомненно, и возненавидим его. Ибо человек по природе своей заманивается грехом, когда тот прикрывается личиной удовольствия, и похищается им; но если очистить грех от постыдного сладострастия, он будет внушать лишь отвращение. Если же мы возненавидим грех, то как же не оставим его и не перейдем от путей его к противоположному образу мыслей: гневливый к кротости, злоречивый к благопристойности речи, любострастный к целомудрию, любострастительный к справедливости, горделивый к смиренномудрию, чревоугодник к обузданию чрева; короче говоря, от жалкого состояния к усерднейшему и противоположному? Затем нуж-

но прилагать соответственное лечение и обращать внимание на то, чтобы, подобно неопытным эскулапам, не приниматься за легкое, когда болит печень, или, в случае повреждения ноги, не лечить глаз или врачевать опухоль в пахе, пренебрегая ушибом ноги, от которого, соответственно, и в паху сделалось худо. Чтобы не случилось с нами такого, надлежит объяснить предмет с самого начала, и по возможности кратко и ясно.

С4. Естество наше, о слушатели, является не простым, но разнообразным и смешанным. Ведь и тело наше состоит из многих частей, и даже душа делится на три, так что одной ее частью мы гневаемся, другой воздерживаем, а третьей размышляем. И каждой из этих трех частей свойственны свое здоровье и своя болезнь, причем здоровье — это правильное ее действие, а болезнь — злоупотребление¹. Что например назвать? Здоровое состояние раздражительной способности есть возбуждение против змия, *совершенная ненависть* (Пс. 138б 21) к нечестивым, пламенная ревность о Боге и мужественное стояние за благочестие. Ибо основа мужества заключается в раздражении по разумным основаниям. В этом находит выражение правильно употребленная раздражительная способность, и таким образом можно, по слову Давида, *гневаться и не согрешать* (Пс. 4, 5). А вот какова болезнь раздражительной части и злоупотребление ею: напрасный и суетный гнев на брата, досада или ненависть к обидевшему чем-нибудь, побои или убийство и пролитие братской крови. Далее, воздержательная способность пребывает в здоровом состоянии у того, кто всё свое желание простирает к Богу, кто любит будущую жизнь и тамошнее блаженство, кто привязывается к добродетели. А кто сего не любит, но стремится к деньгам, стяжаниям, славе или удовольствиям, тот злоупотребляет желательной способностью души, так что болен именно эта ее часть. Добродетель же или здоровое состояние последней, третьей части души, то есть мыслительной способности, состоит в том, чтобы разуметь полезное, отличать лучшее от худшего, властвовать над неразумной стороной души и совершенствовать ее, стремясь к уразумению сущего. А страсти ее суть забвение, невежество и лукавство злоторное.

С5. Теперь, когда мы разграничили части души, и объяснили, в чем состоит здоровье и болезнь для каждой, остается определить и то, какие лекарства к каждой из них применимы.

С6. Первое, наиболее действительное и полезнейшее во всякой болезни душ лекарство есть страх Господень. Ибо сказано: *страхом Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27). И еще: *несть лишения боящимся Его* (Пс. 33, 10). А также: *страх Господень чист, пребывай в век века* (Пс. 18, 10). Далее, для каждой части души есть собственное лекарство. Слова мои станут яснее, если обратить внимание на их ошибки и первопричины таких побуждений. Так, например, ты сердись на брата, или бьешь его, или злословишь (а это болезни раздражительной способности), так как терпишь от него бесчестие или убыток. Как же, стряхнувши такую заразу, освободиться от лихорадки гнева? Послушай, какую целительную

заповедь изрек для нас единственный Врач душ: *Научитесь от меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим, ибо иго мое благо, и бремя мое легко* (Мф. 11, 29).

С7. Ты оскорблен до крайности, претерпел величайший ущерб? Научись кротко и великодушно сносить потерю и бесчестие, научись смиряться, когда тебя оскорбляют, будь кротким, когда отнимают, и не впадай с легкостью в ярость гнева. Научись не от Моисея и Давида, подобострастных нам и сорабов, которых Писание именует кротчайшими и смиренными, но от Самого Владыки Христа. Он, будучи Господом Славы (1 Кор. 2, 8) и Богом превышним (Рим. 9, 5), стал жертвой клеветы, предстал перед незаконным судилищем, подвергся несправедливому осуждению, бичеванию, оплеванию, заушениям, был увенчан тернием, распят, причтен к беззаконникам, напоен уксусом, напоит желчью. Кто может перечислить, что претерпел Владыка Христос от рабов, Благодетель — от получивших благодеяние, Создатель — от неблагодарных созданий? И всё это он переносил великодушно, страдая, не угрожал, *будучи злословим, не злословил взаимно* (1 Петр. 2, 23), не прекословил, не вопиял, и *никто не слышал на улицах голоса Его* (Мф. 12, 19).

С8. Ты же, претерпев нечто незначительное от подобного тебе раба, или услышав брань, вспыхиваешь, как подоженный дуб², и, как *вервь от дубравы* (Пс. 79, 13) тотчас набрасываешься на оскорбившего, чтобы причинить или даже претерпеть некое великое зло. Из очей мечешь огонь, изо рта пускаешь пену, из ноздрей у тебя слышится яростное сопение, а язык изливает яростный поток брани. И становишься смешным, пытаешься обиду врачевать обидою, как если бы ты грязью очищал грязь. Но разве ты претерпел от обидчика что-либо подобное тому, что сам причинил себе, добровольно преображаясь в звериное естество и искажая благородство образа Божия? Или ты подвергся такому же вреду, какой причинил себе сам, утратив подобие кроткого Бога? Ибо тот, кто обесчестил тебя, не отнял ничего из присущей тебе чести. Ведь либо порицание ложно, и тогда что тебе до него? Пусть ветром уносится пустой звук; глядишь, и нет его. Либо оно справедливо, и тогда обвиняй сам себя за то, что совершил нечто, достойное брани. Так что, если бы ты сам наперед не сделал ничего дурного, то и не возникла бы речь, которая является тенью дела. Теперь же, когда деяние уже совершено, ты поступаешь несправедливо, поскольку не только даешь повод к оскорблению, но и бесчинствуешь, слыша о себе худое.

С9. Однако научимся от Христа с кротостью переносить и то, что случается с нами против нашей воли, и крепко смиряться, обретая в том упокоение душ. Человек смиренномудрый, если и претерпит нечто тяжкое, не раздражается, и потому не кипятится от гнева, не таит вражду, не тревожится, не волнуется мыслями об отмщении, но скорее сохраняет кротость духа и глубокую внутреннюю тишину, которую Спаситель назвал покоем души (Мф. 11, 29). Так Моисей и Давид, будучи вместе и кроткими, и скромными, умели сохранять спокойствие. И когда

первый услышал от Мариам упрек за то, что взял жену Ефиопянку, то несколько не рассердился на пророчицу, и, более того, молился о ней, когда она была за это поражена от Бога проказою (Числ. 12, 10–13); второй же говорит: *«оставите его проклинати мя»* (2 Цар. 16, 11). И не то, чтобы только Моисей и Давид были так великодушны к оскорбителям, а остальной лик святых мужей преследовал обидчиков и мстил огорчившим, но все были скромны и снисходительны к причиненным им несправедливостям.

С10. Потому и Иосиф, когда братья умоляли его о том, с легкостью простил их и говорит: *«Не бойтесь, Божий бо есмь аз; вы совещае на мя злая, Бог же совеща о мне во благая»* (Быт. 50, 19–20). Ибо только памятозлые питают гнев и таят вражду, *путие же злопомнящих в смерть* (Притч. 12, 28). Посему и Каин делается братоубийцею, и Исав говорит: *«Да приблизатся дние плача отца моего, да бых убил Иакова, брата моего»* (Быт. 27, 41), — и это в гневе на единоутробных за то, что они, первородные, были по видимости унижены перед родившимися после них. Что же касается трагедии Иосифа, то хотя она и не стала действительностью, и пестрый хитон не обагрился кровью целомудренного, а братский лик не растерзал, подобно лукавому зверю, Иосифа, поскольку тому надлежало начать переселение Израиля в Египет, однако это, конечно, не стало оправданием совершенного зла и не дало мести оснований прикрываться пристрастием. Как бы то ни было, лукавые братья не постеснялись причинить зло тому, от кого не претерпели ничего страшного, в то время как человек добросовестный не только не мстит злодеям, но иной раз и помогает им.

С11. Ибо это зверям свойственно мстить за оскорбление, так что барсы, медведи и вепри бросаются из чащи на охотников, а ехидна, когда на нее наступают ногою, тотчас же оплачивает великим вредом. Бывает и так, что мул, собака или вол мстят за воображаемую обиду. Таким образом, мстительность есть качество скотское и звериное! Между тем и некоторые из скотов и птиц, даже испытывая обиды, не хотят мстить, как, например, голубь или овца. Голубь, у которого отнимают птенцов, не мстит дому, похищающему детей его, удалением, хотя у него есть для того прекрасные крылья, какие и пророк желал иметь, чтобы улететь от оскорбителей (Пс. 54, 7–8), но, не помня зла, живет в доме и снова воспитывает птенцов, и терпеливо переносит обиду; а овца, испытывая то же самое, да и волны лишаясь и молоко теряя, несколько не огорчается. Посему Христос в одном случае говорит: *«Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»* (Мф. 10, 16), а в другом *«яко овца на заколение ведется»* (Ис. 53, 7), чтобы мы учились кротости и смирению не только из Его слов: *«Научитесь от меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»*, но и из того, что Он, страдая, следовал за влекущими Его на смерть покорнее агнца.

С12. Но, может быть, кто-то скажет, что нам заповедано подражать не только простоте голубя и кротости овцы, но и мудрости змия? Змий же жалит пята (Быт. 3, 15), подстерегает на пути и с великим вредом мстит противнику. Так, мо-

жет быть, следует подражать змию и в том, о чем сказано где-то в Писании: *И да будет Дан змий на пути, седяй на распутии, угрызая пяту конску, и падет конник вспять* (Быт. 49, 17–18)? Но ссылающийся на это пусть знает, что таковы действия не разумения, но лукавства змеинового. Лукавство же и разумение отстоят друг от друга настолько же, насколько злоба и добродетель: второе, сознавая свою пользу, ничему не вредит, первое же готово повредить чему угодно, если сможет. И подражать должно не лукавству змея, а разумению, с которым он сохраняет свою голову больше остального тела и откладывает старость, снимая кожу. Точно так же надлежит подражать не глупости овец, но их кротости и смирению, и голубиной простоте, а не безумию, как сказано: *И бяше Ефрем яко голубь безумный, немый сердца* (Ос. 7, 11).

С13. Итак, не будем поддаваться обольщению лукавого, который есть тьма и притворяется светом, и, прикрываясь видом разумных речей, убеждает простоту и незлобие считать безумными и низкими, а мстительность и решительность чем-то мужественным и благородным. Ибо я слышал, как некоторые называли великое непамятозлобие бесчувственностью, хорошее и прекрасное поведение — овечьей тупостью, благоговение — трусостью, раздражительность же — чем-то начальственным; кротость именовали слабостью, а злобное мщение, в особенности когда кто-нибудь оплатит за причиненное зло вдвое или вчетверо, — справедливым противодействием. И тогда я вздохнул, видя, как слава евангельского жительство подвергается очернению, а пороки противной ему испорченности удостоиваются похвалы, и оплакал столь дурно настроенных, полагающих *свет тму и тму свет, горькое сладкое, и сладкое горькое* (Ис. 5, 20). Ибо таковы признаки болезненного расположения, которое, как было сказано, сочетается с непониманием своего недуга. И как же таким людям возвратиться к благому состоянию, которого они не только не ценят, но чуть ли не жестоко порицают?

С14. Несмысленный, ты называешь искренность глупостью, кротость — слабостью, мстительность — мужеством, вспыльчивость — стойкостью? Куда же поместишь Соломоново изречение: *Велемудрый во укоризне дерзосерд* (Притч. 21, 4)? Когда же, по твоему мнению, и благородный Давид превзошел собственное мужество: когда поражал Голиафа и полки иноплеменников, или когда великодушно стерпел брань Семея и сносил притеснения от Саула, не помня зла? Что тебя больше восхищает: способность Моисея творить чудеса, или его кротость? Ты, пожалуй, и Исава предпочтешь Израилю, осуждая второго как нелукавого домоседа (Исх. 25, 27) и восхищаясь чрезвычайной завистливостью первого? Но не так поступает Бог, Которого ты, вероятно, превосходишь мудростью и лучше распознаешь праведного и нечестивого: Он и прежде рождения их говорит: *Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел* (Мал. 1, 2–3; Рим. 9, 13). А из подвигов великого Давида какой более достоин того, чтобы о нем помянул Бог: мужество, справедливость, царское помазание, пророческий дар, или, скорее, кротость и непамятозлобие? *Помяни, Господи, Давида и всю кротость его* (Пс. 131, 1). И из деяний Бо-

гочеловека Иисуса что богоприличнее: принимать служение от тысячей тысяч и тьмы тем ангелов, или не только не насылать легионов их на нечестивцев для отмщения за оскорбление и поругание Владыки (Мф. 26, 53), но воспрепятствовать и Петру, который единственно для отмщения извлек меч? Так что и Стефана, по истине подобного золотому венцу и украсившегося драгоценными камнями за Христа (Деян. 7, 59) я почитаю как первого, вступившего на стезю мученичества, но особенно ублажаю за молитву о побивающих камнями. Ибо он до такой степени не держал зла на побивавших его камнями, что считал их за благодетелей, а нечестивым убийцам воздавал молитвами о них, облекшись, как в священную одежду, в каменный хитон и принося божеству в качестве умилоствления собственную кровь.

С15. Таково величие евангельской строгости, таковы уроки любомудрия христианского! Ими Христос *победил мир* (Ин. 16, 33). Не столько *небеса поведают славу Божию* (Пс. 18, 2), сколько Его смиренное обхождение на земле и терпение в страданиях. Поскольку же Христос — наш единственный Наставник и единственный Врач душ, то Ему одному доверимся и от Него поучимся кротости. Ибо для того Он и вкусил желчи бесчестия, и вкусил укуса поругания, чтобы, подобно мудрым врачам, собственным примером убедить и нас не отвращаться с ненавистью от поношений, но неустрашимо принимать их и, как говорит Иов, пить бесчестие, *якоже питье* (Иов 15, 16).

С16. Вот каким образом мы можем избегать гнева и гибельных последствий его, или врачевать их, если пользуемся лекарствами Христовыми, — смиренномудрием и кротостью, — а сверх того умеряем раздражение добротой и милостью к братьям. Ну а как избежать чар похоти, из которых самым сильным является блуд? Блуд, самое тяжкое порабощение плоти? Он восстал и на царя Давида, пророка и целомудренного, а между тем кто был тверже него в добре и увереннее *во обилии своем, что не подвижется во век* (Пс. 29, 7)? Но и он *восхитился веждами* (Притч. 6, 25), с удовольствием взглянул на чужую жену, и немедленно — о горе! — ниспал в блуд и мужеубийство. Великий Давид, убивавший *льва и медведицу* (1 Цар. 17, 36), сразивший Голиафа, не перенес одного только взгляда на чужую красоту, но, тотчас уязвленный стрелой любви, был пленен блудом, а к блуду присовокупил убийство. И кто из подобных нам ходящих по земле не вострепещет, помышляя о том, что претерпел пророк, и не воззовет молитвенно к Богу: *Отврати очи мои еже не видети суеты* (Пс. 118, 37)? А ведь телесная красота, непостоянная и неустойчивая, но исчезающая быстрее садов Адониса³, это такая же суета, ибо она и от болезни увядает, и временем стирается.

С17. Блуд — преследователь жестокий и быстроходный. Поверг он и благородного Давида, одолел и премудрого Соломона, связал и мужественного Сампсона, лишив его силы, заключенной в волосах. Он же, сделав сынов Божиих плотскими, лишил их пребывания божественного духа, а ополчение Божие заставил уступить мадианитянам. Ибо перед кем не устояли Ог и Сион, могучие цари, тех обратили

в бегство блудные жены. Из-за блуда и колена Вениаминово подверглось нападению остальных и было поголовно истреблено. А ужаснее всего то, что блуд члены Христовы делает членами блудницы (1 Кор. 6, 15), а всякий, кто блудом разоряет храм Божий, и сам подвергается каре (1 Кор. 3, 17), и предается сатане *во измождение плоти* (1 Кор. 5, 5). Посему Павел заповедует избегать блуда (1 Кор. 6, 18) и стремиться к святости, *без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14).

С18. Как же нам избегать блуда? У кого есть или будет жена-помощница, тем, я думаю, не великий труд избегать сего зла, если только они захотят послушаться приточной мудрости, которая внушает *веселиться с женою, яже от юности твоя*, и с ней пребывать постоянно (Притч. 5, 18–19), не увлекаться объятиями посторонними (Притч. 5, 20), *пить воды от своих сосудов и от твоих кладенцев источника* (Притч. 5, 15), а *хлебом сокровенным в сладость* не прикасаться и *воду татьбы сладкую не пить* (Притч. 9, 17). *Мед бо каплет от устен жены блудницы, яже на время наслаждает твой гортань, последи же горчае желчи обрящеши* (Притч. 5, 3–4).

С19. Впрочем, есть и общие заповеди для безбрачных и ведущих жизнь в браке. Первая из них — вовсе не смотреть, если можно, на чужих жен, по крайней мере, не смотреть с любопытством и, как говорит Спаситель, *с вожделением* (Мф. 5, 28). Ибо от созерцания (ὁράν) возгорается любовь (ἐράν), которая и отличается от него всего на одну букву, так что мудрецы производят любовь (ἔρωτα) от созерцания (ὁράν)⁴. И пусть никто не пренебрегает этой заповедью, как мелочной, чтобы не изобличить собственного незнания природы вещей. Ибо людям с поверхностным взглядом созерцание может показаться чем-то незначительным и недостойным предосторожностей, в то время как в действительности это дело важное, поскольку является началом и первопричиной столь великого зла. Ведь и остальные первичные предметы, имеющие силу породить нечто новое, разве не выглядят малыми по размеру, обладая при этом великой силой? Не видишь ли, каковы величиною косточки маслины и финика, или зерно горчичное, и какими деревьями они становятся? Или не знаешь, что весьма малая крупинка вырастает в огромную смоковницу? А каким выглядит жало пчелы или скорпиона? Но если они ужалят тебя, ты узнаешь, какую боль это причиняет. Так и любопытные взоры, хотя и кажутся по-своему незначительными, но причиняют душе любовные раны и питают великое зло похоти. Похоть же, зачавши, рождает грех, который, когда созреет, становится причиной смерти.

С20. Посмотри на то, какие раны и скольким мужам в состоянии причинить терний! Ему-то и следует уподобить грех, ибо он является как бы сеятелем терния, из-за которого оно и произрастает. И, возможно, именно страстный взор назвал Давид тем терном, который *унзе* его, и он *возвратихся на страсть* (Пс. 31, 4). Ибо, едва вонзилось в Давида жало похоти, вызванное любопытным взором, как он обратился к блудному страданию и отказался от благого стремления вперед (Фил. 3, 13). Стоит ли говорить о том, как лицо благородной и целомудренной Иудифи об-

мануло варвара Олоферна, или, вернее, *сандалия ея похити око его, и доброта ея плени душу его*, и оттого *пройде меч выю его* (Иудифь 16, 9)? Ведь не столько от другого чего, сколько с помощью глаз входит в душу влечение. Увиденный страстный образ не легко проходит, но просачивается сквозь зор и скрывается в глубине, где очертание его, засевшее в памяти, носится в воображении и волнует душу, пока не вытеснит добрых помыслов и не привлечет к согласию на грех. И не гнусное ли изваяние блудного образа, стоящее в святом месте, целомудренном уме, только для Бога доступном по Его благодати, назвал Спаситель мерзостью запустения? Ибо это означает отсутствие святых мыслей и окончательное пленение души.

С21. Если же ты всё еще не сознаешь истинности этой речи, то вот, я открою тебе очи, *и уразумеешь чудеса от закона божественного* (Пс. 118, 18). Ибо не только Христос, наилучший врач душ, передал как некую предохранительную заповедь не смотреть *на женщину с вожделением* (Мф. 5, 28), но и Соломонова премудрость устанавливает тот же закон, говоря: *Да не победит тя доброта похоть, ниже уловлен буди твоима очима, ниже да восхитишися веждами ея* (Притч. 6, 25). И Сирах: *Господи, отче и владыко живота моего, не остави мене в совете их, возношение очима отврати от меня, чрева похоть и блудодеяния да не обьимут мя* (Сирах 23, 1; 4–5). И снова Соломон: *Отскочи, не замедли на месте ея, ниже настави ока твоего к ней; тако бо пройдеши воду чуждую* (Притч. 9, 18). А что же благородный Иов, живший прежде закона и превыше закона, прежде явления Христова исполнявший Евангелие Христово? *Завет положих*, — говорит, — *очима моима, да не помышлю на девицу* (Иов 31, 1). О благородная и твердая душа, не впадающая в дерзость во время благоденствия и не падающая духом в искушениях! Этого алмаза не воспламенила во время благоденствия привлекательность чужой жены, как и в злополучии не совратил его худой совет жены собственной. Но пребывал он непоколебимым в противных обстоятельствах жизни, не надмеваясь в благополучии, не унывая в скорбях, с благодарностью и целомудрием принимая милости Божии, и не с меньшей благодарностью посылаемые от Бога скорби, как некий обоюрукий боец, владеющий оружием *в правой и левой руке* (2 Кор. 6, 7). Если бы и Давид положил очам своим подобный завет, то не увидел бы Вирсавию, а не увидев, не обидел бы и Урию, лишив не только жены, но и жизни.

С22. Итак, если и ты избегаешь блуда, береги себя от вожделения; а остерегаясь вожделения, положи завет очам твоим не глядеть на чуждую красоту. Затвори окна очей твоих, дабы не взошла через них смерть (Иер. 9, 21). Потом запечатлей себя божественной Кровью, и таким образом минует тебя пагубное наслаждение от зренья. Если же разум так запрещает взирать на женщин, ибо это воспаляет похоть, то ясно, что еще менее допустимы беседы или иное общение с женщинами, если нет крайней необходимости. Ибо женский голос ослабляет целомудренное настроение души, прельщая мягкостью речи, постепенно очаровывая и увлекающая к наслаждению.

С23. Вот, как я сказал, одно, самое первое первое и удобное пособие к избежа-

нию блуда: уклоняться от любопытных взоров и несвоевременных бесед с женщинами. Другое же состоит в том, чтобы не откармливать свою плоть до полной сытости и не давать пищи для пламени похоти, не доходить через пресыщение до неудержимой дерзости и пьянством не возжигать огня сластолюбия, ибо вино обладает великой способностью возбуждать пламя блуда. Посему и божественный Павел говорит: *Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство* (Еф. 5, 18), — с вином соединяя распутство. И в другом месте, говоря: *ни пированиям и пьянству не предавайтесь, ни сладострастиям и распутству* (Рим. 13, 13), снова ставит рядом с пированиями и пьянством сладострастие и распутство, как пороки взаимосвязанные. Писание же, желая показать родство распутства и вина, ибо распутство есть порождение винопития, не только говорит о Лоте, что он в пьяном виде сошелся с собственными дочерьми (Быт. 19, 33), но и указывает на обнажение детородных членов первого возделывателя винограда, обозначая тем срамоту как последствие злоупотребления вином. Напротив, воздержание в пище и питии содействует не только многим иным великим благам, но и величайшему и прекраснейшему приобретению целомудрия.

С24. Итак, вот каким образом можно врачевать похоть и гнев, страстные части души, или же удерживать их в здоровом состоянии. Забвение же и неведение, горести разумной части души, врачуются не иным чем, как чтением божественных писаний. Ибо оно и забывшему напоминает о том, что нужно делать, и того, кто еще ничему не научился, наставляет. Посему Христос внушает *исследовать писания* (Ин. 5, 39), а Павел заповедует *заниматься чтением* (1 Тим. 4, 13). Ибо разве есть такое благо, которого нельзя было бы взять из божественного Писания, словно из великой сокровищницы? Или у кого душевные очи настолько слепы, чтобы он не испытывал желаний наметить себе в божественном свете Писания, что нужно делать, или отразиться в нем, как в зеркале? Сказано: *Светильник ногама моима закон твой, и свет стезям моим* (Пс. 118, 105). Ведь нет такой добродетели, для которой Писание не предлагало бы первообраза, направляя с его помощью к подражанию ей, и нет такого порока, от которого оно бы не отвращало, показывая, какое наказание понесли виновные в этом грехе.

С25. Наше слово ясно и по возможности кратко указало, сколь внимательно надлежит наблюдать за каждой частью души, и какие лекарства прилагать к каждой; далее же пусть каждый судит о себе самом. Сознующий за собой безумие гнева, пусть укрощает ярость раздражения смиренномудрием, кротостью и добротой, а кто виновен в невоздержании похоти, пусть изгоняет из себя духа блуда, бичуя его постом и молитвою, ибо *только молитвою и постом* (Мф. 17, 21) изгоняется этот бес. Тот же, кто страдает немощью забывчивости или оцепенением неведения, пусть избавляется от своего невежества, возжигая огонь изучением священных речений и озаряя себя светом знания. Однако все должны возлюбить покаяние и очистить души, ибо *никтоже чист будет от скверны, аще и один день житие его на земли* (Иов 14, 4–5).

С26. Ныне *время благоприятное* (2 Кор. 6, 2) для покаяния. Если теперь не уязвим себя жалом раскаяния, если теперь, когда помогает свобода от суетных забот и содействует пост, не испустим слез из очей, то когда же еще? Пусть мы провели целый год в бессмысленной болтовне, но отчего же не посвятить эти немногие дни попечению о душах своих? Почему мы несправедливо распределяем между душою и телом причитающееся им? Для чего всё предоставляем телу, а душу оставляем без ничего? Разделим дни года, и дадим *часть седмим и осмим* (Еккл. 11, 2), настоящей и преходящей жизни свыше трехсот, а будущей и постоянной — сорок⁵. Неравен и такой раздел, и в таком виде несправедлив, ибо больше надлежало бы уделить веку будущему, а меньше — настоящему. Но поскольку худшее обычно берет верх, то не отнимем у души хотя бы немногих сих дней. Мы насыщены днями уходящими; поживем еще и постоянными. Те прошли, *яко сень* (Пс. 101, 12), а эти будут стоять во век. Благочинно ведущий себя в них (Рим. 13, 13) *входит в покой* (Евр. 4, 3).

С27. Воспользуемся этими спасительными днями! Они коротки, они скоро проходят. Ведь и всякое время течет быстро и, как говорится, подобно течению или шару на покато́й поверхности, а частица его, конечно, еще быстрее. И если все *дни лет жития нашего* один из пророков назвал *малыми и злыми* (Быт. 47, 9), а другой — *теньями* (Пс. 143, 4) и *пядами* (Пс. 38, 6), то нужно рассудить, какова в году десятая часть их и доколе они будут в нашем распоряжении, чтобы не потратить в суете и те дни, которые Бог освятил для поста и принимает как начаток, чтобы освящался и весь годичный круг, получая благословение от этой части. Сколько раз в году мы питаем тело до сытости! Сколько очищаем его мылом и купаньями! Сколько раз скорбел Спаситель о том, что мы смеемся и наслаждаемся! Пусть наконец и ублажит тех, кто добровольно алчет и плачет. Ибо Он оплакивает смеющихся и пресыщенных ныне (Лк. 6, 25), плачущих же и алчущих, напротив, ублажает (Мф. 5, 4–6). Плач и слезы есть единственное и окончательное очищение души. Это последняя купель, которая остается нам после первой, то есть святого крещения; и образом ее, мне кажется, служит умывальня, устроенная Моисеем из зеркал (Исх. 38, 8)...

⟨...⟩

А1. ...Владыке Христу. Полезное... если только он не превосходит бесчувствием иудеев, беззаконием ниневитян и слепотой фарисеев, которые довольно тщательно разглядели пользу поста, хотя в ином отношении и оказались слепыми, поскольку, *постясь два раза в субботу* (Лк. 18, 12), то есть в неделю, они принимали унылый вид и таким образом нехорошо совершали доброе дело ради погони за человеческой славой.... Ведь, конечно, соревноваться в проявлении столь общепризнанных вещей и наивно, и безвкусно.

А2. Но если найдется человек достаточно любопытный или, вернее, бесчувственный, чтобы сомневаться даже в очевидных вещах, то пусть отведаёт целебной силы поста и проистекающей от нее пользы, подобно тем, кто испытывает

противоядие. Ибо они проверяют силу противоядия с помощью животных, на которых уже испытали какой-либо яд; и если оно окажет противное воздействие, тотчас же ослабив действие яда и возвратив отравленных животных к жизни, то осмеливаются заявлять, что их снадобье в высшей степени эффективно и полезно⁶. Так и ты, не замечающий даже того, что очевидно и слепому фарисею, и неспособный усвоить из евангельского законоуложения то, чему ниневитянин научился от природы, посмотри и проверь, не является ли пост подобным противоядием. Можешь не допытываться, принес ли пост какую-либо пользу Моисею, Илие, Елисею, Иову или Павлу: ведь мужи эти, не будучи отравленными, разве что в малой степени нуждались в таком противоядии, как пост, а потому на их примере нельзя с полной ясностью наблюдать его воздействие. Но на примере тех самых ниневитян, в которых лукавый и вонзил..., и возлил всяческие «зловредные снадобья»⁷, так что все они лежали отравленные, изнемогая и едва дыша... Но стоило подействовать противоядием поста, как они тотчас же... Смотри, как... ослабляет смертноносное... змия...

А3. И вот еще чем удивительно могущество поста: если противоядие от телесных недугов, данное в неподходящий момент или в меньшем, чем нужно, количестве, не в состоянии погасить губительное воздействие яда или противиться ему, то пост ниневитян, несмотря на свою кратковременность (ведь он продолжался всего три дня), пересилил разрушение, проистекавшее от укоренившихся и разнообразных пороков. Вот поистине эффективное и божественное лекарство! Приведу и иной пример того, насколько полезен пост: Христос, как предсказывает о нем Исайя, греха *не сотвори, ниже обретется лесть во устех его* (Ис. 53, 9); Соломон же не мог уразуметь *пути змия на камени* (Притч. 30, 19), то есть следы греха во Христе. Итак, Царь сил, будучи безгрешным, не нуждался ни в противоядии поста, ни в его помощи; однако и Он, Солнце правды, будучи *возведен Духом в пустыню для искушения от диавола* (Мф. 4, 1), употребил пост как оружие света, отражающее натиск тьмы, дабы ты познал могущество поста. Если же истинному Свету ради нас потребовался пост, то насколько более нуждаемся в сиянии поста мы?

А4. Но, думаю, более нет нужды говорить или доказывать, что никакое лекарство не сравнится с постом своей ценностью; однако должно объяснить и то, как им пользоваться, чтобы столь ценная вещь не оказалась бесполезной из-за того, что была употреблена не так, как нужно, не там, где нужно, и не для того, для чего нужно. Кто же может научить этому, если не Тот, кто *изобрете всяк путь хитрости* (Вар. 3, 37) и передал нам как другие добродетели, так и, отличившись кроме всего прочего постом, указал на противное ему: первое — поскольку Сам постился сорок дней и сорок ночей, уединяясь и молясь в пустыне, второе же — поскольку... произнес такое поучение: *не будьте унылы, как лицемеры, но умой лице твое и помажь голову твою* (Мф. 6, 16–17)... И научитесь тому, что Он говорит, устанавливая незыблемые правила Своими словами и делами.

А5. И прежде [другого]... узнаем о продолжительности поста. Он не растянул его сверх намерения, но ограничил сорока днями: тем сроком, который первым определил Моисей, и который затем не нарушил и Илия. А поскольку Сам он не постарался превзойти срок сорока дней, то, конечно, и запретил делать это. Дерзким, или, лучше сказать, сумасшедшим был бы тот, кто тщился бы превзойти Бога или боговидных мужей. Из тех же, кто придерживается этих сроков, Он предоставил каждому соразмерять свое желание и свои способности.

А6. Ибо Христос не отягощает того, кто не желает или не может: вне всякого сомнения, и Даниил, постившийся три недели, уступил Моисею и Илие в протяженности поста, однако не лишился своей награды из-за того, что оказался позади других или нарушил установленные правила. И он тоже удостоился созерцания божественных видений и откровений, поскольку благодаря посту ничуть не менее их мог возвести горе духовные очи. Так и мы будем поститься, если не целыми седмицами, то хотя бы одну седмицу или ее половину, как поступили и изнеженные ниневитяне. А если окажемся слабее их, то давайте питаться ежедневно, но только с воздержанием и после захода солнца, дабы оно, еще находясь над землей и наблюдая вкушающих пищу, не осудило нас за великую невоздержанность.

А7. Однократное питание в течение дня не есть пост; но и оно, если мы питаемся в самый поздний час и с величайшим воздержанием, может уложиться в рамки узкого перешейка, ведущего к полному отказу от пищи. Так, например, тот, кто прерывает течение поста через день или каждые два дня, чтобы обеспечить себе сытость на следующие сутки, будет считаться спутником того, кто с воздержанием питается ежедневно, хотя, конечно, он и движется более длинными переходами. Ибо принимающий пищу через один или два дня... думаю, более того, кто питается ежедневно. Итак, будем питаться либо ежедневно, либо на каждый второй, третий или четвертый день, но с воздержанием, и прекратим алкать пищи, дабы присоединиться к лику тех, кто поистине постится со Христом. Конечно же, для этого нужно соблюсти и другие заповеди Наставника, то есть не принимать унылого вида и не раскрывать великую тайну поста явной неопрятностью лица или лицемерной угрюмостью, так что мрачный вид будет недвусмысленно сообщать о посте, подобно тому, как в древности неулыбчивость служила отличительным признаком посвященных в таинства Трофония⁸. Напротив, надлежит являть как можно более сияющий вид, помазанные головы и чистые лица, и благодаря всему этому, словно с помощью неких завес, скрывать совершение поста в святилище тела.

А8. Ибо тем, кто желает успешно утвердить горницу поста, надлежит придавать лицам ясность и сохранять его в недрах души чистым и непорочным, как некую благородную деву, бессмертную дочь Божию, которую не дозволено выставлять на обозрение большинства или предлагать смертному и тленному суду публики, как если бы она была рабыней ничтожной славы. Ведь Бог пожелал, чтобы Он один мог созерцать это чудесное приобретение и награждать его беспримесны-

ми венцами. Зная об этом, и самые горячие приверженцы поста, то есть Моисей и Илия, скрыли его в горах, как в неких сокровенных девичьих покоях. И сам Иисус, иное дерзновенно объяснявший и являвший миру, с постом беседовал наедине, уединившись в пустыне. Такого же совершения поста желает Он и от нас; но поскольку мы, привыкшие жить в городах, не имеем возможности бродить по горам и пустыням, где можно было бы скрыть пост, чтобы он, став достоянием многих взоров, не потерпел позора или ущерб, [Господь] и предлагает иной способ, посредством которого мы имеем возможность поститься незаметно, как если бы находились на краю обитаемого мира. Состоит он в том, чтобы являть светлые лица и помазанные головы, украшать свой облик ясностью, смыть сажу, которая выдавала бы наше намерение, и таким образом по возможности скрыть свое пощение, подобно тому, как во всем прекрасный Иосиф, *умыв лице и изшед* (Быт. 43, 31), скрыл слезы, возникшие от узнавания братьев. Так и мы, — быть может, только что предававшиеся из-за поста сокрушению и слезам, — умоем лицо и таким образом сделаем свой пост незаметным. Ведь унылость и мрачность лиц — причина тех, кто изображает постников во время драматического представления и, как бы стремясь произвести впечатление на зрителей общего театра, требует от них тщетной славы и преходящей похвалы.

А9. Пост — дело возвышенное; не будем же ни разыгрывать его, как будто мы на сцене, ни созерцать, как будто в театре, ни выводить в торжественном шествии, подобно тому, как поступают блудницы. Ибо как блудница, прибегая к притираниям и подводя глаза, скрывает свое естественное лицо, так и тот, кто хмурит глаза, затягивает пояс и окружает себя облаком мрачности, уничтожает лик поста. И постник, который притворно и напоказ принимает угрюмый вид, ничуть не менее оскверняет лицо, чем блудница позорит его поддельными украшениями, чтобы привлечь внимание зрителей. Может быть, кстати было бы ему своевременно услышать: *лице жены блудницы бысть тебе, не хотел еси постыдетися* (Иер. 3, 3). Вот каковы, как нам известно, морщины и пятна поста лицемеров, *обветшалого денми* (Дан. 13, 52) и гнилого. Что же до евангельского и процветающего благодатью Христовой, то вся его слава, как у царской дочери, внутри. Но, впрочем, и внешние его стороны, видимые для глаз, не менее изящны и привлекательны: лицо, очищенное от лицемерной угрюмости, голова, помазанная *елеем радости* (Пс. 44, 8). Таково Господне учение о посте, таковы уроки Церкви.

А10. Родственны им и следующие: постясь, должно и молиться, а затем и давать милостыню. Ведь милостыня, молитва и пост суть три добродетели, три сестры, которые держатся друг за друга. Все они непорочны и непродажны; все, как подobaет девам, сохраняются втайне. Ибо подобно тому, как мы научаемся не выставлять пост на человеческой обозрение, точно так же узнаём, что не должно творить милостыню перед лицом людей, молитву же учимся творить внутри клетки. Все сии добродетели по Христу суть девы, и они предпочитают скрываться по мере возможности в отличие от тех, что свойственны лицемерам. Это они не только

выставляли на посмешище пост, принимая угрюмый вид, но поступали подобным же образом как с милостыней, *трубя перед собою в синагогах и на улицах* (Мф. 6, 2), так и с молитвой, имея обыкновение останавливаться и *молиться на углах улиц* (Мф. 6, 5). По Христу же и пост лишен угрюмости, и милостыня не трубит перед собой, и молитва бескорыстна. Где бы ни соединились эти трое, образуют они веревку поистине *треплетену*, которая *не скоро расторгнется* (Еккл. 4, 12). И, возможно, они-то и противны трем дочерям пиявки. Сказано ведь: *пиявица име три дщери, любовью возлюблены, и три сия не насытишася ея* (Притч. 30, 15). Мудрец же назвал бы пиявкой сию плоть, кровожадную и сложенную из кровей, а три ее дочери — это, полагаю я, чревоугодие, сластолюбие и привязанность к богатству.

A11. Ибо пост, молитва и милостыня, как противоположные им добродетели, заставляют их, не знающих насыщения, умерить свою жадность или же полагают им конец. Ведь пост успокаивает бешенство чрева; молитва, понуждая душу стремиться к Богу и испытывать любовное к Нему расположение, не позволяет человеку, пресмыкаясь, искать какого-либо из земных благ, ибо, воображая небесные красоты, отражает любовь любовью: страстную — чистой, измененную — божественной. Милостыня же, обуздывая ненасытную любовь к богатству, приводит человека к противоположному, то есть к тому, чтобы расточать по Богу. А Господь не для того ли сказал богатому юноше: *пойди, продай имение твое и раздай нищим* (Мф. 19, 21), чтобы ввести единственное действенное лекарство против безумной жажды богатства, а именно стяжание по Богу и раздачу нищим?

A12. Вот как сии три дочери Духа одерживают верх над тремя дочерьми соломоновой пиявки — то есть, как было сказано, кровожадной плоти — лишая ее способности к производству на свет подобных лукавых порождений. А вот душу они делают плодovitой. Ведь, как сказано, *насколько внешний наш человек тлеет, настолько же внутренний обновляется* (2 Кор. 4, 16). Итак, не станем разъединять сей тройной союз добродетелей, но, постясь, будем молиться, а молясь — давать милостыню.

A13. Но поскольку у каждого из присутствующего здесь собрания есть свое занятие, посредством которого он добывает себе средства к существованию, так что один трудолюбиво обрабатывает землю, другой посредством какого-либо ремесла добывает себе на каждый день пропитание, причем, как правило, скудное, сухое и замешанное на горячем поте, то, полагаю я, вы наверняка не проявите рвения и к этим трем добродетелям. Возможно, большинство из вас будет про себя ворчать примерно так: «Что нам с этих слов, наставник? Всё это, как говорится, здесь не в лад»⁹. Мы люди бедные, вынужденные питаться трудами рук своих, корпеть над рукоделием или землей, и, проливая немало пота, едва обеспечиваем себя ежедневным куском хлеба. О роскоши же мы только слышали, а что она из себя представляет, и знать не знаем, потому что довольствуемся по большей части грубыми лепешками, да и то ячменными. К мясу и рыбе мы не прикасаемся

по многу сезонов, а если иной раз разнообразим стол дикими овощами, похлебкой или сыром, то чувствуем себя на вершине блаженства. Запахом вина, кислого и водянистого, мы наслаждаемся лишь изредка, как если бы оно было благоуханным. Таким образом, в течение всей жизни мы питаемся куда скромнее и грубее, чем богатые — в периоды воздержания. Как же нам превзойти сей образ питания в строгости, или, если бы мы и пожелали, как выдержать такое? Мы каждый день с утра до вечера заняты необходимыми трудами; так надолго ли хватит сих изможденных членов тела, если мы, стыдясь поста, не будем поддерживать их хотя бы ячменной лепешкой при первых лучах солнца? И о какой молитве может идти речь, когда мы так заняты? Какую милостыню можем явить, когда сами нуждаемся в помощи, чтобы воспитать детей или выдать замуж несчастных дочерей? И это при том, что сборщики налогов в точности фиксируют наши обязанности, не говоря о случайных убытках, которые иной раз приходится понести.

A14. Вот что, как я слышу, бормочут некоторые из вас, оправдывая бедностью и нищетой свое пренебрежение и постом, и молитвой, и милостыней. А между тем тех, кто прикрывается столь тщетными отговорками, легко изобличить, показав, что они в состоянии и поститься, и молиться, и давать милостыню гораздо более богачей. И прежде всего надлежит дать ответ касательно поста. И правда, скажи-ка мне, друг, не говоришь ли ты, что не можешь поститься, поскольку привык к простому и безыскусному питанию? Но не значит ли это, что пост должен быть для тебя легким? Ведь для того, кто питается вкусными блюдами и угождает чреву, призыв к посту и вправду мог бы оказаться в тягость, поскольку он был бы вынужден перейти от роскошной пищи к ее прямой противоположности. Отсутствие привычки часто служит причиной смущения и печали для начинающих; но когда человек, воспитанный на столь сходных с постом испытаниях, вдруг отказывается приступить к самому подвигу, то я не знаю, следует ли назвать его насмешником, или глупцом.

A15. Ты признаешь, что питаешься одними лепешками, но утверждаешь, что не можешь поститься, в то время как тем, кто каждый раз набивает брюхо досыта, это, по твоим словам, подходит? Как же смешно то, что ты говоришь! Ведь это всё равно, как если бы ты, многократно подставлявший непокрытую голову солнечным лучам и носящий следы сильного загара на лице, с наступлением времени жатвы отказался взять в руки серп именно по той причине, что привык к солнечному жару, но счел бы, что тому, кто всю жизнь скрывался от этого жара в тени, подобает жать, несмотря на его столь светлое и изжелта-бледное тело. Или если бы ты утверждал, что не можешь двигаться по крутому и неровному пути, поскольку всё время ходишь пешком, но говорил, что восхождение будет легким и нетрудным для того, кто всегда совершал путь в повозке и вовсе не привык к пешим прогулкам: ведь он еще не успел утомиться. Или вот образ более близкий: ты, стоя у врат сего святилища, помедлил бы войти и поклониться священному престолу из-за того, что рано утром встал со своего ложа, дабы подняться на ак-

рополь, на котором зиждется святилище, но говорил бы, что войти следует скорее тому, кто всё еще спит и издаёт храп.

A16. Ведь чем отличаются подобные суждения от признания того, что ты способен прожить, обходясь хлебом и овощами, но неспособен поститься? Итак, нищие, не хитрите, уклоняясь от поста, но будучи привычными к воздержанию, прибегните и к посту. Не вкушайте утренней трапезы, ссылаясь на тяжелый ручной труд, и не разрешайте воздержания от пищи до наступления сумерек, чтобы вам, оказавшимся неспособными вынести и наименьший из возможных сроком пощения, не отпасть совершенно от лика постящихся. Также и к молитве не проявляйте небрежения под предлогом отвлекающих вас житейских дел: ведь молитва необходима каждому христианину. Потому и божественный Павел, обращаясь ко всем в своем послании, говорит: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17). Если же нам положен закон непрестанно молиться, то какого удостоимся снисхождения, если не молимся даже время от времени, даже в период поста? Итак, молитесь, прежде, чем взяться за дела, либо посещая божественные храмы, либо *на всяком месте воздевая чистые руки* (1 Тим. 2, 8).

A17. А иногда можно и во время работы молиться: ведь если молитва есть беседа ума с Богом, содержащая просьбу о подании благ или отпущении грехов¹⁰, то и склонившийся над землей может по мере сил воспарять памятью к Богу и превращать телесный труд в повод для божественного общения, о том подобающим образом размышляя, что Творец наш Бог предназначил нас для беспечального жития; но зависть и забвение заповеди обрекли нас на земные труды, подставили терновым колючкам, осудили на то, чтобы омыwać лицо потом, и, что хуже всего, вынесли смертный приговор рожденному для бессмертия. Если обратишься мыслью к таким вещам, занимаясь каким-либо делом, то вне всякого сомнения и заплачешь украдкой, и испустишь глубокий стон, и осознаешь многие из дел греха. Может быть, оплачешь ты и свои прегрешения и испросишь прощения у Бога. И тогда самая тяжесть труда станет для тебя не препятствием к молитве, но напоминанием о ней и поводом к памятованию о Боге. Возможно, так будет исполнено и апостольское речение — *непрестанно молитесь*: ведь при ином понимании оно будет источником многих затруднений.

A18. Вот и посрамлены отговорки, касающиеся поста и молитвы: осталось рассмотреть, легко ли творить милостыню тем из вас, кому выпала на долю бедная жизнь. Итак, я утверждаю, что вам совсем нетрудно быть добросердечными, если только не проявлять мелочности в отношении столь обширного богатства, как милостыня, и не ограничивать ее даяниями золота и серебра. Тот, кто так поступает, сводит милостыню к узким рамкам, плохо зная и не умея разобрать, откуда берется ее естество. Ибо не только тот милостив, кто дает серебро, золото или драгоценные одежды, и не является более милостивым тот, кто дает больше всех, но и дающий помалу может быть весьма милостивым, а дающий многое — не быть таковым. Для этого нужно, во-первых, соотнести то, что дается, с имуще-

ством каждого, подобно тому, как Христос объявил две лепты вдовицы бóльшим даянием, чем приношения богачей, не просто рассматривая дары сами по себе, но и сравнивая их с имуществом давших; а во-вторых, рассмотреть настроение, с которым каждый дает то, что дает: сострадательен ли он, совершает ли даяние с радостью, готовностью и по Богу, или же нет.

A19. Если же такова милость по Богу, то милостивый может сделать свое дело даже посредством вещей простых и довольно-таки доступных, как например принять странника под своим кровом, зажечь огонь и посадить рядом с ним озябшего, дать голодному кружку воды, наставить на путь заблудившегося, спасти скотину, упавшую в яму, или, отыскав какую-либо потерянную вещь, объявить о ней и вернуть ее потерявшему (ср. Втор. 22, 1–3). Если же богатому милостивым расположением духа и не придется сделать ничего из этого, то он, увидев страждущего и сострадая ему, ощутит сердечную боль, посетует, вздохнет, может быть, прольет и слезы, и успокоит несчастного словами скорби и утешения. Тем самым он, даже не имея возможности дать что-либо из своего имущества, изольет из глубины души сострадание, прольет над братом сердечные слезы, которые во много раз ценнее всяких денег. Ибо сострадание даже и без даяния похвально, в даянии же без сострадания нет ничего удивительного.

A20. Посему и владыка Христос, отсылая несострадательных в *огонь вечный*, говорит: *алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня* (Мф. 25, 42–43). Кто, даже и находясь в крайней степени бедности, будет утверждать, что неспособен на это? Ведь если и нет у него денег, то может он дать кусочек хлеба, может дать стакан прохладной воды, может принять странника, может посетить болящего и заключенного. Итак, даже *нажайшему белилнаго древа* (Притч. 23, 31) должно быть добросердечным; если же милостыня столь необходима для беднейших, то тем более для тех, кто обладает достаточным состоянием, чтобы кормить голодающих, одевать нагих и предоставлять всяческую помощь тем, кто в ней нуждается. Они же и от поста отказываются, потому что привыкли всё время наедаться досыта, и к молитве не стремятся, поскольку из-за сытости, словно из-за некоего снотворного корня мандрагоры, их клонит в сон и ночью, и днем, и даже к милостыне не прибегают ради спасения.

A21. Человече! Но какая же тебе остается дорога к спасению, если ты не желаешь идти ни каменистым путем поста, ни путем молитвы, который, круто поднимаясь, приводит на небо, ни путем милостыни, легким и кратчайшим? Пусть будет путь поста *тесным и узким* (Мф. 7, 14), пусть проходят по нему немногие; пускай путь молитвы крут и затруднителен; но что скажешь ты о пути милостыни? Не широк ли он, не ровен ли, не беспечален, не легок, не безопасен? Или он ограничивается одним лишь даянием золота, но не разверзается широко и для ломтика хлеба, и для чаши питья, и для кусочка рубища, и для тех, кто разделит с нуждающимся свой кров, навестит больного, посетит заключенного, утешит сло-

вом, прольет слезу сочувствия? О богатство милостыни! Как широко оно разлито! Есть у тебя золото, есть серебро? Дай его узникам, или отдай в долг без процентов. Нет у тебя золота, но есть плоды? И их начатки принеси Подателю плодов: ибо ты приносишь Богу то, что даешь нищему, так что приносимое становится для тебя одновременно и начатком, и семенем, которое даст начало еще более изобильным плодам.

A22. Итак, будем сеять не только на земле, но и среди нищих, словно на благой почве, приносящей стократный плод, чтобы во время истинной жатвы с большей уверенностью пожать свой урожай. То, что бросаем мы в эту землю, не всегда успешно пожинаем: ведь, бывает, или ливень затопит посевы, или засуха их погубит, или ураган развеет, или спорынья уничтожит, или град побьет, или какая иная пагуба нежданно сделает тщетными надежды земледельца. Но и рассчитывая на сомнительный урожай, мы не в слезах сеем, не рыдаем, бросая семена, но, напротив, радуемся, и тем больше радуемся, чем больше посеем: *ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою* (1 Кор. 9, 10). Положенное же на небесах с помощью нищих, как говорят, не страдает от дождя и солнца, не опасается спорыньи и ветра, ибо там никогда не бывает ненастья. Посему такой посев сохраняется невредимым и дает многократный урожай.

A23. Кто же настолько неразумен, чтобы, бросая такие семена в такую почву, стенать и только что не плакать, вместо того, чтобы радоваться тому, что в своих руках он уже держит нетленные снопы. Ведь снопы не подобны семенам. Земледелие по Богу превышает естества: ведь посмотрите, что и вместо чего мы получаем: вместо жесткой лепешки, брошенной голодному, или пенящегося вина либо чаши прохладной воды, напоивших жаждущего, обещан неложный пир Христов, согласно сказанному: *да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем* (Лк. 22, 30); вместо жалкового рубища, которым нагой сможет прикрыть стыд, одеяние присносветлого нетления; вместо посещения болящих и заключенных — пропуск в сад роскоши и невозбранное пребывание там; вместо глинобитного жилища, служащего кровом бездомному, самое Царствие Христово, пребывающее на небесах.

A24. Итак, если подойдет к нам нищий, не будем пренебрегать им, как любим из встречных людей, но почтим, как некий божественный лик Христов...

⟨...⟩

D1. [*Аще сядеши вечеряти на трапезе*] *сильнаго*¹¹, *разумно разумевай предлагаемая тебе, ведый, яко сицевая тебе подобает уготовити* (Притч. 23, 1–2). Но кто же тот сильный, на трапезе коего мы сидим, если не царь всего Христос, блаженный и единственный сильный? И что такое Его трапеза, если не блага, которые Он нам предлагает? Ибо смотрите, как Он всё приуготовил нам для всемирного пира: расстелил землю, словно изобильный стол, и наполнил ее всякими благами: хлебом, укрепляющим сердце, вином, его веселящим, всяческими яствами, всевозможными кушаньями; простер небо, словно некий брачный чертог; высоко

вознеся солнце и луну, разместил их там, как некие общие светильники; а также установил времена года для жатвы и сбора винограда и учредил годичный круг, чтобы всё необходимое для пиршества поступало в изобилии и непрерывно. А сверх необходимого он позаботился приготовить и то, что служило бы к услаждению вкуса пирующих: тенистые деревья и нежные дуновения ветерка, лука и рощи, прекрасные цветы и мелодичные трели всевозможных певчих птиц.

D2. Христос, приготавливая нам столь великолепный пир, всех радушно угощает, но и Сам требует от нас ответного угощения. Что же это за ответное угощение, благодарение за дарованные нам блага? Ответное приношение плодов, ответная забота через посредство нищих. Посему Моисей говорит: *и ядый и пияй насытятся, вонми себе, да не забудеши Господа Бога твоего* (Втор. 6, 11–12); Соломон же убеждает, что тебе должно такие вещи приготовить, говоря: *разумно разумевай предлагаемая тебе и налагай руку твою* (Притч. 23, 1–2). Но не будем понимать предлагаемая нам только чувственно, чтобы не оказаться по причине своей грубости преслушниками соломонова закона относительно пира. Но, простирая руку к более высокой цели, будем мыслить о том, что нам предлагается на трапезе Христовой, духовно: ибо Христос угощает нас разумной и божественной пищей, когда мы причащаемся истинного хлеба, то есть Его плоти, и пьем вино от истинного виноградника, то есть Его кровь. Ясно, что и нам следует предложить угощающему нас ответное угощение, сообразное тому, что мы получили, приготовив в ответ вечерю для Того, кто делится с нами своими благами.

D3. Итак, отворим врата справедливости стоящему у дверей Христу, ибо Он — *Бог приближайся* (Иер. 23, 23), и, постоянно памятуя о Нем, позволим Ему поселиться в своей душе; ибо Он некогда обещал *вселиться и ходить* в нас (2 Кор. 6, 16). Угостим Его воздержанием, постом, молитвой, смиренномудрием, целомудрием, кротостью, телесной чистотой, совершенной любовью. Вот каких угощений алчет Христос; ведь пища Его — исполнение желаний смиренного, то есть наше спасение. Совершим ему, жаждущему нашего обращения, возлияние вином нашего сокрушения и принесем кубок, наполненный слезами: ничто так не радует Его, как питье рыдания, изливаемое на землю кающимися. Такую-то вечерю приготавим Христу, таким-то образом претворим время поста во время господнего пира, дабы Он, отвечая приязнью на приязнь, в свою очередь угостил всех, вкушая вместе с нами пасху.

D4. Поскольку настали светлые дни поста, то так будем поститься, так *плачущие плакаться въ нощи* (Плч. 1, 2), смывая с себя *дела тьмы*, (Рим. 13, 12), такие пусть слезы текут *на ланитех* наших (Плч. 1, 2), выражаясь словами Иеремии, сего приверженца плача, чтобы, как удивительная Мария возлила на Спасителя миро прежде Его страдания, так и мы помазали бы Его своими слезами. Ибо слезы сии подобны погребальному украшению, если только мы, подобно тому, как она, растерев сосуд *чистого драгоценного мира*, возлила его на главу Владыки (Ин. 12, 3), и сами сокрушим свои сердца печалью по Богу или биением в грудь и, выда-

вив таким образом слезы, изольем их посредством очей ради Христа. Ей, и станем тогда благовоением Христовым, избавившись от зловонного греха и мертвых дел, очистившись телом и духом, чтобы Бог и Отец и о нас сказал, радуясь: *се, воня риз сыновъ моихъ, яко воня нивы исполнены, юже благослови Господь* (Быт. 27, 27). Ему же слава во веки; аминь.

Комментарии

¹Нижеследующий пассаж основан на каноническом послании Григория Нисского к Литоию Мелитинскому [PG. T. 45. Col. 224].

²Выражение заимствовано у Аристофана [Arph. Ranae. 859], однако Михаил Хониат заменяет причастие пассивного аориста (ἐμπρησθείς) на презентное (ἐμπιπράμενος).

³«Сады Адониса» — наполненные землей корзины, в которых по случаю празднования мистерий в честь этого божества высаживались быстрорастущие растения (см. напр.: Тураев Б.А. История древнего Востока. Л., 1935. Т 2. С. 12). Распускаясь в короткий срок и столь же быстро увядавшие «сады Адониса» вошли в поговорку, которая использовалась применительно ко всякой недолговечной вещи. Помимо данного места, Михаил Хониат также упоминает о «садах Адониса» в своем 49-м письме, где утешает своего друга Димитрия Торника в связи с постигшей того опалой [Michaelis Choniatae epistulae. Epist. 49:26–27 (P. 67)]. Другие примеры употребления данного выражения византийскими интеллектуалами XI–XII вв. собраны Д. Карафанасисом [Karathaniss D.K. Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten des Altertums in der rhetorischen Schriften des Michael Psellos, des Eustathios und des Michael Choniatas sowie in anderen rhetorischen Quellen des XII. Jahrhunderts. Inaug. Diss. München, 1936].

⁴Основой для данного пассажа послужила сентенция «ибо от созерцания рождается в людях любовь» (ἐκ τοῦ γὰρ ἐσορᾶν γίγνεται ἀνθρώποις ἐρᾶν), приписываемая греческим трагикам Агафону [Agath. Fr. 29] и Сфенелу [Sthen. Fr. 1] и получившая распространение в качестве поговорки [см. напр.: Michael Apostolius. Collectio paroemiarum. VI, 89]. Из контекста поучения не совсем понятно, что имеет в виду Хониат, когда говорит о происхождении любви (ἐρᾶν) от созерцания (ὁρᾶν): только ли источник самого чувства, или также этимологию слова? В пользу последнего мнения как будто бы говорит то обстоятельство, что Афинский митрополит единственный из известных нам авторов приводит ссылается на неких «мудрецов», установивших эту связь.

⁵Весь пассаж обнаруживает ряд параллелей с 14-м словом Григория Богослова «О любви к бедным», где также говорится о необходимости уделять внимание не только мирским делам, но и духовной жизни [PG. T. 35. Col. 885]. Оба проповедника ссылаются в этой связи на стих Еккл. 11, 2, который у Афинского митрополита вообще принадлежит к числу излюбленных: помимо данного места, он цитируется также в 22-м поучении [л. 245] и 34-м послании к Феодосию Мацуки [Michaelis Choniatae epistulae. Epist. 34:36–37 (P. 49)].

⁶Сведения об использовании животных для испытания противоядий содержатся в сочинениях античных медиков. См. в частности: Galenus. De theriaca ad Pisonem // Claudii Galeni opera omnia Ed. C.G. Kühn. Vol. 14. Leipzig, 1827(Repr. 1965). P. 215.

- ⁷ Выражение «зловредные снадобья» (φάρμακα λυγρά) несколько раз встречается у Гомера (Il. XV, 393; Od. IV, 230; X, 236).
- ⁸ Трофоний — хтоническое божество, иногда отождествлявшееся с Зевсом Подземным. Известно подземное прорицалище Трофония, располагавшееся вблизи беотийского города Лебадия: его посещение было сопряжено с вызывавшими ужас видениями, оставлявшими неизгладимое впечатление. Отсюда происходит популярная поговорка «погадал у Трофония» [*Gregorius. Paroemiae* / CPG. Vol. I. II, 24; *Macarius Chrysocephalus. Paroemiae* // CPG. Vol. II. III, 63; *Michael Apostolius. Collectio paroemiarum* // CPG. Vol. II. VI, 82; *Suidae lexicon*. I 323], на которую и намекает здесь Хониат. Подробнее о культуре Трофония см. напр.: *Протопопова И.А. Двусмысленность зримого (несколько замечаний о сновидениях в античной Греции)* // Русская антропологическая школа: Труды. Вып. 2. М., 2004 С. 165.
- ⁹ Греч. οὐ πρὸς τὴν χορδήν. Выражение засвидетельствовано сборниками пословиц: *Gregorius. Paroemiae* (e cod. Mosq.) / CPG. Vol. I. IV, 73; *Arsenius. Apophthegmata* // CPG. Vol. II. XIII, 15m.
- ¹⁰ Определение молитвы как беседы ума с богом (ὁμιλία νοῦ πρὸς Θεὸν) восходит к сочинениям Оригена [*Origenes. In Psalmos XXVI–CL* // *Analecta sacra spicilegio Solesmensi parata* / Ed. J.V. Pitra. T. III. Venice, 1883. Ps. 140, 2 (P. 348)] и Евагрия Понтийского [PG. T. 79. Col. 1168], но встречается и в других текстах.
- ¹¹ В греческом тексте Притч. 23, 1 имеется небольшое разночтение. В издании Ральфа, как и в церковном тексте греческой Септуагинты, стоит форма множественного числа δυναστῶν. В то же время вариант δυναστοῦ, использованный в данном поучении Михаила Хониата, засвидетельствован отмеченным у Ральфа чтением Codex Alexandrinus. Из него же исходит и общепринятый славянский перевод Ветхого Завета.